

23 июня 1972

Газета № ...

г. Москва

— Валентин Петрович, вопросы этого интервью подсказаны читательскими письмами, которые получает газета.

— Газета «Труд»... Приятно вспомнить, что первый свой фельетон я напечатал именно в газете «Труд». Было это, если не ошибаюсь, в 1922 году... Я только что приехал в Москву. Тогда заведовал литературной частью газеты Бахметьев. Он заказал мне очерк-фельетон об Одессе. Что я и выполнил. Это было еще до работы в «Гудке» и «Рабочей газете». Можно считать, что моя журналистская карьера началась в вашей газете.

— Вы начинали как газетчик, фельетонист. Помогло ли вам это в дальнейшем?

— Писатели моего поколения все начинали как газетчики. В почете был жанр фельетона, юмористического рассказа. Мы работали охотно, весело. Эта работа дала нам раскованность, свободное обращение со словом, привила любовь к юмору как творческой манере...

— Валентин Петрович, вы прежде всего прозаик. Но в вашем творческом «активе» — про и з ведения многих жанров, в их числе и пьесы. Побочный жанр — хорошо это или плохо для главного творческого направления?

— Трудно ответить прямо. Видимо, каждый художник должен решать это индивидуально.

Писать пьесы меня подбил Алексей Толстой. Он часто говорил мне: «Пиши пьесы. Тебе нужно писать пьесы, у тебя хороший диалог». Я его послушал. Но потом, написав уже несколько, я понял, что Алексей Толстой ошибся: диалог не играет решающей роли в пьесах. Представление о диалоге, как главном элементе драматургии, несколько старомодно.

Однако я хорошо овладел жанром легкой комедии, водевиля. Жаль, что этот жанр как-то не привился. А у нас были прекрасные комедиографы, такие, как Эрдман — блестящий мастер! В этом жанре много работал Михаил Булгаков. Нельзя не упомянуть и Шваркина.

Я сам веселый человек, и комедии, водевили были для меня «легкой добычей». Я писал их легко, без претензий.

Две пьесы — «Квадратура круга» и «День отдыха» идут сейчас во многих странах мира. В последнее время режиссеры социалистических стран заинтересовались пьесой «Авангард» — была осуществлена постановка пьесы в ГДР. Готовится спектакль и в Венгрии.

— Вы употребили выражение «работал легко, свободно». Простите за прямую ассоциацию, но как вы работаете? Какова техническая оснащенность вашей творческой лаборатории?

— Как пишу? Да в основном рукой... А если говорить серьезно, то — тоже рукой. Перепишью свои вещи от руки несколько раз — два, три. Раньше можно было легко отличить, где черновик, где беловик. Теперь разница маленькая, но переписывать все равно продолжаю.

Пишу по утрам и днем. Так советовал и Лев Толстой. Он считал, что ночью чувства слишком обострены, и утверждал, что сможет определить у любого автора, какая страница написана ночью, какая днем. Вот я и следую его совету.

— Описание самого процесса труда иные писатели считают неинтересным для читателей...

— Человек не существует вне

труда. Тем более — человек рабочий. Труд занимает важнейшее место в системе духовных ценностей личности. Поэтому пройти мимо описания процесса труда, на мой взгляд, нельзя. Другое дело, что в описании труда не следует делать акцент на подробности технологические, а следует описывать подробности душевные, психологические. Тогда будут созданы и полнокровный образ, и достоверное описание работы.

— В вашем романе «Время, вперед!» вы показали человека, романтически увлеченного делом. Такая форма романтизации — канонический прием для описания людей труда?

— Думаю, что нет. Это должно определяться самим материалом: когда материал требует романтизации, то художник должен воссоздать атмосферу романтической увлеченности трудом. В этом отношении интересен труд новый — так, как это

традиция в литературе? Да и можно ли включать художника слова в какую-либо литературную школу?

— Настоящий художник всегда вбирает в свое творчество все лучшее, что накопили предшественники. Но следовать определенной школе... я считаю, что этого не бывает. Крупный художник, мастер — всегда сам новая школа. Писатель не должен никого внутренне цитировать. Даже самого Шекспира.

— Традиционный вопрос: ваши творческие планы?

— Я собираюсь писать о первой мировой войне. Мне попал в руки очень интересный материал — дневники моих прадеда и деда. И речь там идет о местах, где и я сражался, — в Румынии, на Кавказе. Дневники показались мне необыкновенно интересными. Читая эти страницы, я как бы по-разному чувствую себя по отношению к пред-

ПРИЗВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

На вопросы нашего корреспондента отвечает Валентин КАТАЕВ

было, скажем, тогда в Магнитогорске.

— Скоро журнал «Новый мир» начнет печатать ваш новый роман. Он, видимо, продолжит творческую линию ваших последних произведений: романов-воспоминаний?

— В последнее время я, собственно, не пишу романов. Я пишу рассказы и удивляюсь, почему никто этого упорно не замечает. Все, в том числе и критики, воспринимают циклы моих рассказов как романы — меня это порой даже печалит.

Совершенствование формы продолжается и будет продолжаться, и я предпочитаю не называть жанра. Гоголь «Мертвые души» назвал не романом, а поэмой. Твардовский написал «книгу про бойца», а не «поэму» «Василий Теркин».

Новая моя вещь писалась, если воспользоваться выражением Льва Толстого, не хронологически, а «как придется». Личность художника является тем стержнем, на который это «как придется» нанизывается.

— Как вы представляете себе конкретный образ вашего читателя?

— Сделать это довольно трудно, особенно в такой читающей стране, как наша. И тем более, если книги твои выходят громадными тиражами. Мне, конечно, приятно, что мои произведения изучают в школе, что они включены в обязательные программы и миллионы людей с детства знают и мое имя, и мои книги. Однако это, если можно так выразиться, «принудительный» читатель. А какому автору не мечтается встретить читателя, который бы сам нашел автора, открыл его?

Каждая книга имеет своего читателя. Так, в тридцатые годы, когда вышло «Время, вперед!», мне больше писали рабочие. В последние годы я получаю письма от людей, «конкретный» образ которых, по их собственным письмам, я представил бы себе так: молодой человек, думающий, имеющий вкус к литературе, понимающий в ней.

— Какова ваша писательская

кама — то отцом, то дедом, то внуком... А все вместе дает необыкновенное ощущение моей Родины, моего народа. Вот, скажем, записи деда... Очень интересные подробности о войне с горцами, по времени совпадающие с действием повести Льва Толстого «Рубка леса». Дед служил и в Каменке — это, как известно, один из центров декабризма. Перечитывая эти страницы, описание мест, связанных с литературными именами, и имена общественных деятелей, я как бы ощущаю свою причастность и к предкам по крови, и к предкам литературным. Историю нельзя замыкать в истории царей и полководцев — мне хочется говорить об истории народа, простых людей.

— Наша беседа началась с упоминания о вашем очерке-фельетоне об Одессе. Скажите, насколько важна для писателя географическая «точка»?

— Впечатления первых дней, дней отрочества, юности, конечно же, накладывают отпечаток на все творчество писателя. Для меня Одесса не могла стать городом, который я обошел бы в своем творчестве. И я возвращаюсь часто к ней в своих воспоминаниях, обычно подсознательно. Как, впрочем, и к местам, где я бывал и жил позже. Но какие бы факты из прошлого художник ни брал, он пишет о дне сегодняшнем. Прошлое — факты, люди, события — служит лишь инструментом для выражения современных идей и проблем. И разве можно в точности передать то, что думалось и переживалось много лет назад? И в моих воспоминаниях много, если хотите, вранья, но я научился это делать так... что мне верят.

* * *

Что ж, поверим и... улыбнемся: ведь Валентин Катаев, мастер прозы — веселый человек!

Беседу вел
Александр РЫБАКОВ.